

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

БИБЛЕЙСКИЕ ТЕМЫ, МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В “ЦЫГАНАХ”

© 2011 г. В. С. Баевский

В поэме языческому миру цыган, русской дохристианской древности и древнеримского язычества противостоит христианское мировоззрение, опирающееся на Библию (главным образом, на Евангелие) и проявляющееся в подтексте. Это свидетельствует о преодолении Пушкиным юношеского атеизма и подготавливает идеологическую концепцию “Бориса Годунова”.

Christian worldview based on the Bible (mainly the New Testament) is opposed in the poem to the pagan world of Gypsies and Russian Pre-Christian antiquity as well as to the paganism of the ancient Rome. This is reflected in its subtext. It testifies to Pushkin's overcoming his early atheism and paves the way to the concept of “Boris Godunov”.

Ключевые слова: христианское мировоззрение; Библия; Евангелие; Пушкин; “Борис Годунов”.

Key words: Christian worldview, the Bible, the New Testament, paganism, Pushkin, “Boris Godunov”.

Почти за два века о “Цыганах” накопилась обширная литература. Однако в ней, кажется, не отмечен библейский подтекст поэмы. Между тем, он не только углубляет понимание произведения, но и важен как показатель того, что Библия присутствовала в сознании поэта в то самое время, как он брал уроки чистого атеизма. Вяч. Иванов отметил, что богоборчество Байрона предполагало веру в Бога [1]; точно так же пушкинские размышления об атеизме были невозможны без мыслей о Боге.

Может сложиться впечатление, что “Цыганы” погружены в язычество. В них целых три языческих мира. Это мир цыган с его культом неограниченной вольности, условно представляющий “естественного человека” в его первобытном состоянии, идеализированный “золотой век” [2, с. 618–627]. Это мир славянской языческой старины, едва намеченный, но занимающий свое место в концепции целого. Так, старик-цыган рассказывает дочери *русское преданье* о домовом, и это едва ли не единственное место, где в поэму не подспудно, а явно вводится русская тема. Наконец, старик передает Алеко цыганское предание об Овидии, и перед читателем разворачивается мир древнеримского язычества.

Однако на глубинном уровне в поэме время от времени возникают отражения христианского мира. Они приходят через композицию и стиль. Алеко, окутанный тайной странник, неведомо откуда появляется в цыганском таборе. И старик цыган сразу ему говорит:

...Я готов

С тобой делить и хлеб и кров. [3, с. 152]

Ситуация библейская. Так, во Второзаконии Моисей говорит, что Бог “любит пришельца, и дает ему хлеб и одежду” (10, 18). Старик-язычник словно бы исполняет повеление: “Любите и вы пришельца” (Второзаконие, 10, 19).

Далее старик сообщает Алеко предание об Овидии и говорит:

Имел он песен дивный дар

И голос, шуму вод подобный <...> [3, с. 156]

Второй стих – реминисценция из Евангелия, из Откровения Иоанна Богослова: “и голос Его – как шум вод многих” (1, 15). Старик-язычник повествует об Овидии-язычнике, – но повествует теми словами, которыми Иоанн Богослов рассказал о своем Божественном видении. Приняв в себя библейский образ, пушкинский текст приобретает новое измерение. На рассказ старого цыгана Алеко откликается размышлением о том, что такое слава:

Могильный гул, хвалебный глас,

Из рода в роды звук бегущий? [3, с. 157]

Словосочетание *из рода в роды* – библеизм: “власть разве из рода в род”? (Книга Притчей Соломоновых, 27, 24); земля “будет от рода в род оставаться опустелой” (Книга Пророка Исаии, 34, 10). Количество параллелей можно было бы значительно увеличить.

Это словосочетание уже встречалось у Пушкина в стихотворении “Свободы сеятель пустынный...”. Туда оно перенесено из “Мое беспечное незнание...”. Таким образом, поэма 1824 г. “Цыганы” оказывается интертекстуально связанной с лирикой 1823 г., в которой нашла отражение библейская притча о сеятеле.

Как обычно в романтической поэме, важную роль в построении художественного мира “Цыган” играют вставные эпизоды-песни. Одна из них выражает важнейшую мысль произведения – идею не ограниченной житейскими заботами вольной жизни естественного человека:

Птичка Божия не знает
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда;
В долгу ночь на ветке дремлет;
Солнце красное взойдет,
Птичка гласу Бога внемлет,
Встрепенется и поет. [3, с. 154]

В сущности, это песня-притча. Она имеет в подтексте притчу из Евангелия от Матфея: “Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы и Отец наш Небесный питает их” (6, 26).

Алеко из ревности убивает Земфиру. От отца, язычника-цыгана, естественно было бы ожидать кровной мести. Но он прощает убийцу. Этот мотив прощения, введенный Пушкиным, в точности соответствует требованию Нагорной проповеди: «38. Вы слышали, что сказано: “око за око, и зуб за зуб”». “39. А Я говорю вам: не противься злому” (Матф.). Оставляя убийцу, старик великодушно говорит ему: *Прости, да будет мир с тобою*. Это словосочетание встречается на многих страницах Библии, например: “Да будет мир в стенах твоих” (Псалтирь, 121, 7).

Каждое отмеченное нами место поэмы, взятое в отдельности, может быть воспринято как случайное сближение пушкинского текста с библейским. Но все вместе они выстраиваются в систему. Кажется, мы имеем все основания утверждать, что образ старика-цыгана только на поверхностном уровне представлен как часть языческого мира. На глубинном уровне это образ возвышенно-христианский.

Решимся высказать – пока чисто предположительно – неожиданную мысль. Завершив “Цыган”, Пушкин тотчас же принялся за “Бориса Годунова”. Не исключено, что фигура старика-цыгана подготовила фигуру монаха-летописца Пимена: обе они представлены на периферии фабулы, но в центре идейного мира, как носители высшего нравственного закона, с точки зрения которого судят беззаконие, проходящее перед ними.

Существенно отметить, что тематика и стилистика поэмы соприкасаются с Библией много-

кратно. Не говоря о том, что Библия прямо упоминает цыган, она знает и шатры, и наковальню, и угли костра, и медведя – многие опорные слова языка поэмы. Несмотря на общее движение Пушкина к разговорной лексике, в некоторых местах текста церковнославянизмы нагнетаются весьма густо, а они сразу же напоминают о Библии. Например:

Покровы холодные хватает –
Его подруга далека...
Он с *трепетом* привстал и *внемлет*...
Все тихо – страх его *объемлет* –
По нем текут и жар и *хлад* <...> [3, с. 165]
(Курсив наш. – В.Б.)

В творчестве Пушкина “Цыганам” предшествовала поэма “Бахчисарайский фонтан”. Иногда не обращают внимания на важный мотив этой поэмы: столкновение мира мусульманского с миром христианским. Мария воплощает христианские религиозные и нравственные начала. Ее убийца Зарема, грузинка, в раннем детстве тоже воспитывалась как христианка. Но в плену у татар *забыла веру прежних дней*. В нашу задачу не входит разбираться с этой точки зрения “Бахчисарайский фонтан”, но необходимо помнить, что, написав кощунственную “Гавриилиаду”, Пушкин в следующий за ним “Бахчисарайский фонтан” снова ввел христианскую тему, однако совершенно иначе: он посвятил христианским святыням проникновенные строки:

Лампады свет уединенный,
Кивот печально озаренный,
Пречистой Девы кроткий лик
И крест, любви символ священный <...> [3, с. 139]

В годы кризиса, в Бессарабии и в Одессе, в творчестве Пушкина сталкивались атеистические и религиозные темы, образы, мотивы. Эти противоречия, их борьба подготовили его отход от юношеского религиозного скептицизма и ту жизнь духа, которая привела его в конце концов к каменноостровскому циклу лирики. Важной вехой, ознаменовавшей начало выхода из кризиса, стала поэма “Цыганы”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванов В.И.* Байронизм как событие в жизни русского духа // Русская мысль. 1916. № 5.
2. *Томашевский Б.В.* Пушкин. М.; Л., АН СССР, 1956.
3. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 4. Л.: Наука, 1977.